

]

Чжоу Чун уехал.

Приехали Ю Лян и Чжоу Шо.

Они явились чисто развлечься и официальными участниками проекта не числились.

Вечером Ю Лян вступил со съемочной группой в ожесточенный спор:

— Я не участник, с какой стати вы мне указываете? — И отвоевал для всех совместный ужин с хого.

Бульонную основу привез он.

Мраморную говядину и рубец — тоже он.

Вдобавок он выкупил у местных домашнюю курицу свободного выгула.

Участники шоу скинулись овощами.

Все расселись вокруг большого котла, весело уплетая горячий суп.

Цянь Вэй едва не прослезилась:

— Мне хого в жизни таким вкусным не казался!

Фан Жун усмехнулся:

— Дело и в обстановке, и в деревенской курице: давненько я не пробовал такого хорошего деревенского петуха.

Мясо было плотным и невероятно ароматным.

Партия деревенских продуктов, отправленная в прошлый раз, собрала восторженные отзывы, и покупатели наперебой требовали провести вторую онлайн-ярмарку.

Участники ужинали с таким аппетитом, что у зрителей слюнки текли.

Включая Юй Синья.

— Сынок, вернулся домой и даже курочки матери не привез?

Чжоу Чун прислонился к дверному косяку:

— А как насчет сперва поинтересоваться самочувствием родного сына?

Юй Синья тут же исправилась:

— Как тебе там жилось? Всё хорошо?

— Сойдет.

На этом материнская забота иссякла.

— Так почему курицу не привез?

Чжоу Чун прыснул:

— И когда вы успели стать такой обжорой? У Сокровища Циншаня тех кур раз-два и обчелся, мне самому не досталось, а вы губу раскатали!

Юй Синья протянула ладонь:

— Ладно, давай хотя бы яйца. Он дал тебе перед отъездом, я на стриме видела.

— Съел.

Шутите? Разве такое оставляют?!

Оставить хоть кусочек было бы верхом неуважения к Сокровищу Циншаню.

«...»

Юй Синья посмотрела на экран трансляции и вздохнула:

— Уж очень мне по душе этот мальчик... Когда ты наконец приведешь его домой?

Стань она Сокровищу Циншаню свекровью, без курицы бы ее точно не оставили!

Чжоу Чун замер на ступеньках.

В прошлой жизни они встречались три года, но так и не смогли дойти до этого шага.

— Ах да, — вспомнила Юй Синья, — звонили тетя Чжан и дядя Цинь. Говорят, ты в этой деревне прямо на глазах преобразился, да и Сяо Лян всего за полдня уже свиней кормить научился. Вот они и подумали: не отправить ли своих оболтусов пообщаться с Шань Циншанем? За ценой не постоят.

По сравнению с теми суммами, которые спускали их непутевые отпрыски, деньги Шань Циншаню казались сущими грошами.

Чжоу Чун недовольно обернулся:

— Они чего задумали? Воспользоваться моим отсутствием и прибрать к рукам мое Сокровище Циншаня?

— Люди просто попросить хотели, куда тебя понесло?

— Сами воспитать не в состоянии, а свалить этих ублюдков на Сокровище Циншаня хотят? Черта с два! Пусть катятся ко всем чертям.

Чжоу Чун взбежал наверх и принялся готовить документы.

Закончив, он открыл трансляцию Сокровища Циншаня.

[Первый день без молодого господина. Скучаем.]

[Сокровище Циншань такой молчаливый, на чужие слова почти не отзывается. Небось по молодому господину тоскует? Хе-хе-хе.]

[Да ладно вам, мало кто способен на холодность Сокровища отвечать таким же фонтаном неугасающего тепла и болтать без умолку, как молодой господин!]

...

Покончив с хого, участники устроились поболтать.

Цянь Вэй напомнила про условленное «Обещание первого снега», и остальным идея так понравилась, что все захотели присоединиться.

На обратном пути стояла непроглядная темень.

Чжоу Шо неуверенно семенил рядом и вдруг подал голос:

— Шань Циншань.

Шань Циншань остановился и посмотрел на него.

— Ты знаешь, что такое дуриан?

— Знаю, в книгах читал.

— А пробовал?

— Нет.

— А я привез! — заявил Чжоу Шо с видом невероятной важности. — Если донесешь меня на ручках, я так и быть поделюсь кусочком.

Сказав это и будучи на сто процентов уверенным, что Шань Циншань согласится, он победоносно раскинул ручки.

По ту сторону экрана Чжоу Чун вскипел от бешенства.

Ах ты мелкий коварный манипулятор!

Чжоу Чун был готов сию же секунду сесть на самолет и начистить братцу шею!

Шань Циншань остался совершенно невозмутим:

— Я такое не ем.

И зашагал дальше.

Чжоу Шо был сражен наповал. С глубоко оскорбленным видом он еще долго стоял на холодном ветру с раскинутыми руками.

У Чжоу Чуна мгновенно поднялось настроение.

Ю Лян поспешил подхватить малого на руки.

Они оба остановились у старосты деревни, а не в доме Шань Циншаня.

Оставшуюся дорогу Шань Циншань прошел в полном одиночестве.

Прежде он не обращал на это внимания, но сегодня ночь казалась особенно черной, путь — бесконечно долгим, а шелест листвы на ветру — непривычно громким.

Вернувшись домой, он один вскипятил воду, умылся и заварил бабушке теплое молоко.

В старом ветхом доме стояла тишина, нарушаемая лишь звуками его неторопливой работы, — ни единого человеческого голоса.

У Чжоу Чуна сжалось сердце от жалости.

Ровно в девять трансляция завершилась.

Чжоу Чун тут же набрал его номер.

— Сокровище Циншань, ты где?

— Зачем спрашиваешь?

— Просто так. Соскучился.

— Понятно. Должно быть, сейчас я у тебя в сердце.

Чжоу Чун рассмеялся и без малейших колебаний подтвердил:

— Именно так.

В трубке повисла тишина.

— Мне пора спать. Завтра режиссер велел переписать продукты для второй онлайн-ярмарки.

Чжоу Чуну не хотелось класть трубку — они же и парой слов перекинуться не успели!

— Уже отключаешься?

— Да.

Чжоу Чун вздохнул: — «Дитя терпит лишения, но молча сносит обиды».

— Что? — не понял Шань Циншань.

Чжоу Чун «перевел»:

— Малышу тяжело на душе, но малыш терпит и молчит.

Шань Циншань тихо усмехнулся и подхватил шутку:

— А малышу спать не пора?

Чжоу Чун резко выпрямился.

Если Сокровище Циншань обращается к нему «малыш», то сон как рукой сняло!

Но прежде чем он успел вымолвить хоть слово, из динамика донесся внезапно похолодевший голос Шань Циншаня:

— Я спать. Пока.

И звонок оборвался.

Чжоу Чун чуть не взвыл от досады.

Не! За! Пи! Сал!

Сбросив вызов, Шань Циншань лег на кровать и повернул голову к пустовавшему месту рядом. В памяти всплыла утренняя клоунада Чжоу Чуна.

Он придвинулся чуть ближе и принялся.

Никакого запаха там, конечно, не было.

И ведь повелся на бредни Чжоу Чуна — действительно полез нюхать!

Глупость, видимо, заразна.

...

На следующее утро Ю Лян, давно пускавший слюни на яйца в доме Шань Циншаня, притащил на руках Чжоу Шо, но обнаружил, что Шань Циншань даже лапшу на его долю варить не собирался.

Ю Лян принялся шарить по кухне:

— А где лапша? Где моя порция?

— Вы живете у старосты, с чего мне вам готовить? — парировал Шань Циншань.

— Но я же на тебя работаю! Я видел, с каким аппетитом брат и Цянь Вэй уминали твою стряпню, мне до смерти захотелось попробовать!

Шань Циншаню пришлось снова поставить кастрюлю на огонь:

— Потом помоешь посуду.

— Ладно-ладно, без проблем!

Спустя несколько минут Ю Лян и Чжоу Шо получили свои миски с лапшой, но яиц в них не оказалось.

— А яйца где?!

— Вчера отдал Чжоу Чуну, — спокойно ответил Шань Циншань.

Ю Лян в немом шоке уставился в миску.

Его братло и наелся, и с собой уволок?!

— Ю-юноша, не слишком ли откровенные у тебя двойные стандарты?

Он прекрасно помнил, что его брата яйцами накормили в первый же день!

Ю Лян легонько подтолкнул уплетавшего лапшу Чжоу Шо:

— Тут вообще-то ребенок! Растущий организм!

— Тогда идите есть к старосте.

«...»

Ю Лян проявил чудеса гибкости:

— Ничего страшного. Пара дней без прибавки в росте Чжоу Шо не повредит.

Шань Циншань оставил их и пошел к остальным участникам переписывать продукты для второй партии. Прошлый ошеломительный успех воодушевил деревенских: те, кто раньше сомневался и выставлял товары с опаской, теперь наперебой записывались в списки.

Пока Шань Циншань трудился не покладая рук...

... Ю Лян и Чжоу Шо дома валяли дурака и выбивались из сил.

Зимой вода была ледяной, так что мытье посуды и овощей превращалось в изощренную пытку.

Ю Лян ума не приложил, как брат Чун умудрялся это терпеть.

Перебив миски, Ю Лян повел Чжоу Шо кормить поросенка.

Ю Лян проворчал:

— Эта свинья жрет свежее, чем я. — С этими словами он впился зубами в редьку.

Сладкая!

Ю Лян присел на корточки и протянул ее Чжоу Шо:

— На, кусни.

Чжоу Шо обеими ручонками вцепился в редьку и тоже откусил.

Когда Шань Циншань вернулся, свинья оставалась голодной, зато на каждом овоще красовались следы зубов разного калибра и глубины.

Шань Циншань уставился на них с совершенно непередаваемым выражением.

Цянь Вэй покатила со смеху:

— Это же свиной корм! Вы совсем с катушек съехали — у свиньи еду отбирать?!

Ю Лян молча спрятал за спину надкусанный батат.

Голос Шань Циншаня повеял могильным холодом:

— Если свинья останется голодной, вы сегодня тоже без обеда.

!!

— С моим братом ты так не поступал! — возопил Ю Лян. — Я же все видел: когда брат однажды подвернул ногу и замешкался, ты сначала его накормил, а свинья ждала! Ладно с братом я тягаться не могу, но неужели я даже этой свинье проигрываю?!

Шань Циншань вонзил в него контрольную стрелу, не выказав ни единой эмоции:

— Да.

<http://bllate.org/book/19795/1950920>